

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
БЕССУДНОВОЙ МАРИНЫ БОРИСОВНЫ**

**на диссертацию Валентина Леонидовича Портных
«Крестовые походы на Ближний Восток (1095-1291 гг.): идейное
содержание пропаганды», представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.003 – всеобщая история (средние века)**

Крестовые походы европейцев на Ближний Восток и в Северную Африку конца XI-XIII вв. принадлежат к разряду уникальных исторических явлений и потому, несмотря на длительную традицию их исследования и обширнейшую библиографию, все еще оставляют историку место для поиска. Одним из востребованных направлений в современной российской и зарубежной историографии в данном поисковом пространстве является изучение ментальной составляющей крестоносного движения, которая определяет тематический ряд данного диссертационного исследования. При этом автор совмещает ее с проблемой организации крестовых походов, рассматривая пропаганду крестовых походов, к которой прибегало папство и прочие «люди Церкви» в целях обеспечения должного числа участников кампании, как важное превентивное мероприятие, не в малой степени предопределявшее ее успех. Затронутая проблема призвана на примере конкретной ситуации воссоздать «механику убеждения» человека Средневековья и тем самым дополнить наши представления о специфике его социокультурных воззрений.

В центре внимания автора находится идейная сторона крестоносного движения, поданная в контексте весьма обстоятельного источниковедческого анализа, позволяющего существенно расширить теоретический и конкретно-исторический охват проблемы. Важнейшей установкой, о которой заявлено во *Введении* к диссертации, является намерение автора исследовать не отдельные идеи, вдохновлявшие крестоносцев, как это не раз делалось историками, а весь комплекс аргументации, которая использовалась духовенством в качестве инструмента пропаганды крестовых походов в конце XI – XIII в. В соответствии со своим главным методологическим принципом, последовательно выдвигаемым во *Введении*, автор стремится представить наиважнейшие концепты этого комплекса и качества, которые включены в их определение. Он прослеживает их развитие, предопределявшееся изменением исторической ситуации, прослеживая преемственность или, напротив, трансформацию содержащихся в них идейных посылов, уточняет хронологию бытования каждого из них и определяет их взаимосвязь в поле единого пропагандистского пространства. Особое внимание уделяется таким мало изученным аспектам как

многоплановость восприятия миссии крестоносцев, которая представлена в контексте восприятия ими Святой земли, менявшихся религиозно-этических посылок эпохи, «феодалного обязательства» христианина в отношении Бога, покаянной (искупительной) практики.

В.Л. Портных демонстрирует хорошее знание историографии, отечественной и зарубежной, используя не только классические труды, но и современные исследования. Это помогает ему осветить степень разработанности проблематики, в частности, констатировать отсутствие комплексного анализа аргументации, задействованной в крестоносной пропагандистской практике. Совершенно оправданным в этой связи выглядит намерение автора не ограничиваться обстоятельствами лишь первого крестового похода, этой интенсивно разрабатываемой историками области исследования, но проанализировать всю массу пропагандистского материала за все время осуществления крестовых походов на Ближний Восток и тем самым определить случившиеся в нем изменения.

Подобного рода задача разрешима лишь в широком источниковедческом контексте с включением новых, не введенных в научный оборот, данных, что имеет место в представленной диссертации. Источниковедческий ее пласт весьма объемён, в то же время логично связан с заявленной проблематикой и состоянием ее историографической базы. Автор исследует имеющийся фонд опубликованных источников, напрямую или косвенным образом связанных с пропагандистской деятельностью эпохи крестовых походов, а также письменные памятники, содержащие сведения об этико-религиозных представлениях эпохи и производных от них социальных действиях. Особый интерес вызывает источниковедческий анализ трактата Гумберта Романского «О проповеди креста» второй половины XIII в., переведенный и всесторонне исследованный диссертантом. С учетом внимания к состоянию источниковой базы исследования, а также по причине введения в научный оборот мало известного источника, вполне понятно решение автора представить источниковедческий очерк в отдельной, первой, главе. Это обстоятельство оказало существенное влияние на методологическую составляющую исследования, в котором наряду с традиционными методами исторического познания были задействованы методы герменевтики, в частности, метод реконструкции архетипов текста по «стемматическому» принципу.

Положения, выносимые на защиту, соотносятся с тематической направленностью отдельных разделов диссертации. Ее основная часть состоит из четырех глав, причем первая из них посвящена характеристике источников, а три остальных - анализу ключевых идейно-пропагандистских блоков, касающихся обоснования необходимости освобождения Святой земли из-под власти мусульман, наличия у данной миссии божественной поддержки и разных форм воздаяния за участие в крестоносном предприятии.

Первая глава, посвященная источниковедческому анализу комплекса использованных в диссертации источников,предопределяется, как сказано выше, логикой исследования. Автор создает четырехсложную систему классификации источников, характеризующих инструментарий крестоносной пропаганды, используя в качестве главного критерия уровень их репрезентативности. В зоне его особого внимания, что вполне понятно, находится трактат «О проповеди креста» доминиканца Гумберта Романского, который был написан в качестве инструкции для проповедников крестоносной кампании, а потому имеет большое значение для реализации исследовательских задач представленной диссертации. Скрупулезный источниковедческий анализ данного трактата, включающийбиографию его автора, очерк по истории изучения данного произведения, в числе прочих и самим автором, размышления по поводу его датировки и идентификации его источников, обстоятельную характеристику редакций рукописного текста и печатной публикации, имеет целью познакомить коллегс этим интересным памятником эпохи крестовых походов. Существование же его краткой редакции, чья датировка, по мнению диссертанта, может восходить к XV в., и типографского издания 1495 г. дает ему основание выдвигать предположение о применении трактатаГумберта Романского в Позднем Средневековье и в канун Нового времени. Эта последняя тема близка сфере моих собственных научных интересов, касающихся крестоносной пропаганды рубежа XV-XVI вв. в связи с появлением концепта «русская угроза», и потому наблюдения В.Л. Портных представляют для меня несомненный интерес.

Вторая глава диссертации по замыслу автора подчиняется проблемному принципу и посвященалинии аргументациикрестоносной посылки о необходимости отвоевания у мусульман Святой земли. Она открывается анализом речи папы Урбана II на Клермонском соборе 1095 г., которая фигурирует как яркий образец крестоносной пропаганды на начальном этапе движения. При анализе сентенции о необходимости освободить Святую землю из рук неверных, определившей содержание Клермонской речи, автор поднимает вопрос о целевой направленности первого крестового похода. В дискуссии «глобалистов», убежденных в наличии у папы плана освобождения восточной церкви от турецкой угрозы, и сторонниками «иерусалимской» версии он занимает позицию, близкую последним, гипотетически допуская, впрочем, существование у Святого престола также планов освобождения всего восточно-христианского пространства от власти неверных, на что косвенно указывают красочные описания страданий восточных христиан под игомтурок.В конечном счете, однако, диссертантделает вывод о том, что упоминания о скорбях восточного христианства являлись всего лишь пропагандистским приемом, призванным стимулировать активность католиков в отношении освобождения Иерусалима (Святой земли).

Основной блок проблем, рассматриваемых во второй главе, касается мотивов, призванных увлечь крестоносцев вышеназванной идеей. Все онитак

или иначе связаны с представлениями об исключительной значимости Святой земли для католиков-христиан и о пагубности перехода ее под власть иноверцев. Сведения, почерпнутые из множества источников и научной литературы, позволили автору выявить основные смысловые нюансы основного положения и каждому из них он посвятил особый раздел. В этой связи хочется отметить один принципиально важный вывод, который, как представляется, важен для определения авторского понимания крестоносной пропаганды в целом. Подробно рассмотрев все мотивации по отдельности, он констатирует изменение их содержания, которые стали заметным образом проявляться на рубеже XII-XIII вв., причем наиболее важным, детерминирующим моментом стало привнесение в характеристику Святой земли личностного элемента, акцентирующего ее связь с земной жизнью Иисуса Христа. Этот элемент отметил своим присутствием все мотивации, использовавшиеся духовенством для привлечения людей к участию в крестовом походе (Иерусалим как «мать» христиан, нанесенное Богу оскорбление и необходимость мести за него, Святая земля в качестве его наследия, поведенческая модель *imitatio Christi* и представления о «кресте дела», вассальный характер отношений Бога с христианами, их обязанность помогать ему как в знак повиновения, так и руководствуясь благодарностью за свещенный Им подвиг). Отмечено, что отдельные элементы указанного дискурса встречаются еще в проповеди первого крестового похода (к примеру, в Клермонской речи), однако законченную композицию он обретает лишь к началу XIII в., что автор совершенно справедливо связывает с распространением в Западной Европе т.н. «новой религиозности» с характерной для нее индивидуализацией веры и религиозной практики, а также - здесь автор не выходит за рамки предположения - поражением христианского войска в битве при Хаттине и захватом Иерусалима Саладином в 1187 г., которые осмыслились в христианском мире, в первую очередь, на эмоциональном уровне. Не вызывает сомнения также утверждение автора относительно того, что все эти изменения на момент их проявления в «крестоносной» стратегии римско-католической Церкви, уже были глубоко внедрены в общественное сознание в качестве общеизвестных и не требующих пояснения констант.

Следующий проблемный уровень, связанный с анализом идеи соучастия Бога в деяниях крестоносцев и являющийся логичным продолжением предыдущего, представлен в третьей главе диссертации, где идея поддержки крестоносцев со стороны Бога впервые анализируется на материалах не только первого, но, главным образом, второго и последующих крестовых походов. Диссертант посредством ссылок на многочисленные хроникальные свидетельства убедительно демонстрирует концептуализированность идеи божественного участия в победах крестоносцев над противниками реализации Его воли, будь то мусульмане или византийцы, вполне справедливо расценивая эту идею как важную составляющую инструментария, задействованного при

формировании мировоззренческих и поведенческих парадигм участия в крестовых походах наряду со ссылками на свидетельства – в большинстве своем чисто имплицитные – ее признания мусульманами и факторы явившегося чуда (помощь святых, обретение неожиданного спасения и т.п.). К идее божественной помощи автор возводит ряд дополнительных положений, благодаря которым его концепция обогатилась дополнительными смысловыми нюансами. К их числу относится, прежде всего, заключение о неоднозначности взаимоотношений Бога и крестоносцев по поводу Святой земли. Факт ее завоевания мусульманами и безуспешность попыток ее возвращения христианами трактуются как небесная кара за грехи последователей Христа, главным образом, за гордыню, вследствие чего крестовый поход обретал видимость средства очищения, которое Бог по милости своей им дал, или испытания, способного выявить истинно верующих, достойных вступить в обладание Святой землей. Греховность христиан – автор не берется уточнять, идет ли речь только о крестоносцах или о западном христианстве в целом – влечет за собой «карательное бездействие» Бога в отношении турецкой угрозы и, как следствие, череду их фатальных неудач, которые, однако, не должны были явиться поводом к их отказу от миссии крестоносцев. Многозначительное акцентирование посылки о необходимости преодолеть греховное состояние и заслужить право обладать Святой землей автором предпринято с целью обрести стартовую позицию для новой фазы исследования, которая касается попыток идеологов крестоносного движения посредством хорошо знакомых исторических аналогий определить его место в божественном миропорядке и тем самым гарантировать его присутствие в памяти грядущих поколений. Показателем вовлеченности крестовых походов в процесс реализации Божественного провидения было, по мнению автора, их сопоставление с ветхозаветными войнами Маккавеев, появившееся лишь в эпоху крестовых походов и, добавим, ставшее вскоре излюбленным мотивом духовно-рыцарской риторики. Обращаясь к материалам хроник, автор подтверждает заключение о существовании в средневековом общественном сознании образа крестоносцев как нового «избранного народа», который в отличие от ветхозаветных евреев посвятил себя служению не материальным, а духовным ценностям. Данный тезис, равно как и ссылки средневековых авторов на библейские пророчества, касающиеся крестовых походов, упоминания о стигматах на телах погибших крестоносцев как знаках принятого мученичества, и определение мусульман как язычников (еретиков), должны были служить вескими доводами в пользу божественной природы крестоносного движения и дать массам надежду на конечную помощь Бога, которой надлежало реализоваться на соответствующем поведенческом уровне.

В четвертой главе, заключительной, главе диссертации, рассматривается блок аргументов, которые крестоносная пропаганда связывала с основной наградой участнику крестового похода, с

индульгенцией. Отмечено отсутствие четкого определения индульгенции в папских документах, каноническом праве и текстах проповедей, что, по мнению автора, обеспечивало бóльшую инициативу проповедникам на местах. Автору удалось наметить контуры стадийных изменений в конкретизации понимания индульгенции и его определенного рода секуляризацию, которая наблюдается с конца XII в. - в частности, постепенное смещение фокуса внимания на сугубо мирские формы небесного воздаяния (защита крестоносцев, их имущества и прав со стороны Церкви), дифференцированное доленое участие в крестовом походе, его компенсация посредством денежных взносов, установление временных рамок «паломничества», возможность выкупа обета. Все это стало обычными элементами проповеди индульгенции ко времени проведения IV Латеранского собора 1215 г., когда в связи с тяжелым положением Святой земли и подготовкой пятого крестового похода возникла насущная проблема в массовом призыве крестоносцев. Вместе с тем, и это хорошо показано в диссертации, идея индульгенции подавалась в тесной взаимосвязи с основным блоком крестоносной аргументации, охарактеризованной в *третьей главе*. Индульгенция воспринималась как результат покаяния, которое влекла за собой освобождение от наложенной ранее епитимьи и прочих земных наказаний, что соотносится с идеей освоеобразном «пенитенциарном» характере крестового похода как средстве духовного очищения христианина, желавшего обрести право на обладание Святой землей, предоставленное ему милосердным Богом. Вместе с тем, указание на великую долю риска попасть в ад для лиц, не участвовавших в крестовом походе или не исполнивших обет по неуважительной причине, ввиду их незащищенности со стороны Всевышнего, представление о кресте как защитном знаке, признание уникальности сиюминутной ситуации, которая предлагает ограниченный шанс получить индульгенцию, указания на выгодное соотношение требующихся усилий и полученного за них вознаграждения, гарантированность его обретения при любом исходе и др. являлись пропагандистскими приемами, призванными усиливать активность массы вне зависимости от канонического истолкования индульгенции. Наконец, проблема мученического статуса крестоносцев, изучаемая, в основном, на материалах первого крестового похода, рассмотрена в освещении большого числа источников XII-XIII вв., имеющих отношение к церковной пропаганде, что позволило автору констатировать крайнюю осторожность папства в использовании этой идеи.

Итогом авторских исследований, сформулированными в *Заключении*, становятся выводы, соответствующие его задачам, о которых было заявлено во Введении. В.Л. Портных констатирует существование у римско-католической Церкви продуманной конфессионально-пропагандистской стратегии по вербовке крестоносцев, основным инструментом которой являлась проповедь. Рассмотрев практику крестоносной пропаганды за период с конца XI до конца XIII в., он установил наличие в ней качественных

изменений с довольно четко выраженным рубежом, приходившимся на рубеж XII-XIII вв. Эти изменения прослежены в трех основных тематических блоках диссертации, которые касаются мотиваций освобождения Святой земли, представленных в крестоносной пропаганде эпохи. Выводы *Заключения* полностью соответствуют тем, которые содержатся в разделах диссертации.

Все разделы диссертационного исследования логично соотносятся, аргументация авторских позиций произведена на должном профессиональном уровне. Особенно следует отметить хорошее знание автором источников, владение навыками их исторической обработки и интерпретации.

Отдельного слова заслуживает Приложение, где дается обоснование предположению автора об использовании трактата «О проповеди креста» Гумберта Романского в конце Средневековья для борьбы с гуситами и турецкой угрозой.

Общее положительное впечатление от диссертационного исследования В.Л. Портных не исключает, впрочем, ряда критических замечаний.

Введение.

1. При определении хронологических и географических рамок исследования автор указывает на весь период крестоносной экспансии европейцев XI – XIII вв. против мусульманского мира и при этом ограничивается призывами к походам исключительно в Святую землю, в Палестину, хотя, как известно, в XIII в. вектор крестовых походов сместился в сторону Северной Африки (безотносительно к иным их разновидностям, как, например, походы в Прибалтику и против еретиков). Мне представляется любопытным проследить, как это обстоятельство отразилось на пропагандистской подаче темы Святой земли, которая, как это убедительно показал автор в первой главе, заключала в себе основную идейную нагрузку крестоносной проповеди. Данный аспект частично затронут в Приложении в связи с событиями XV в., тринадцатое же столетие в этом отношении не представлено.

2. Выражение «отечественных исследований по тематике фактически нет, а исследования западных историков *лишь в малой степени*» (курсив мой – М.Б.) освещают поставленную проблему» (с. 11) ввиду обилия использованной в диссертации научной литературы и постоянных обращений автора к заключениям, прежде всего, зарубежных коллег выглядит не вполне обоснованным. Это положение отчасти корректирует реплика «по этой теме пока не написан обобщающий труд» (с. 19 и др.), что представляется более точным.

Первая глава

1. Как говорилось выше, существование особой источниковедческой главы ввиду большого объема использованных автором источников и введения в оборот малоизвестного рукописного памятника, является оправданным, однако мне она представляется несколько перенасыщенной при

том, что источниковедческий профиль в обозначении специальности соискания не заявлен. В частности, в разделе, посвященном источниковедческому анализу трактата Гумберта Романского, указываются способы его основные положения и методы использования проповедниками; тот же материал задействован при написании тематических (проблемных) глав в системе авторских посылок.

2. Не слишком удачны наименования блока источников (об этом см. также Введение на с. 28). И если первый блок, объединяющий источники, «имеющие непосредственное отношение к пропаганде», не вызывает возражений, то по определениям источников блоков 2 («возможно, содержащие идеи, применявшиеся в пропаганде, притом что факт их применения точно не известен» и 3 («источники косвенного характера») они есть. «Папские письма духовенству с предписаниями проповеди крестового похода, «образцовые» проповеди..., составленные опытными проповедниками для последующего применения коллегами, инструкции для проповедников крестовых походов» (блок 2) и «трактаты, написанные опытными пропагандистами крестовых походов на тему крестовых походов» (блок 3) имеют сходную семантику, сориентированы на единую цель (обеспечить успех крестовому походу), являются производными одного и того же социального круга (духовенства, имевшее отношение к организации крестовых походов), постулируют общие универсальные понятия – это, кстати, автор демонстрирует ходом своих рассуждений. Их различает полнота выраженности пропагандистского концепта и потому, как представляется, имело смысл выделить памятники, имеющие прямое отношение к пропагандистской практике, произведения с характерной для нее идейной наполненностью (смысловые корреляты) и источники, которые о крестоносной пропаганде не повествуют, но дают представление о перспективно важных для исследования ситуационных моментах (хроники).

3. В связи с хрониками автор задается вопросом, «преследовали ли хронисты собственно пропагандистские цели» и предлагает «обратить внимание на то, как формулируют задачу своих сочинений церковные хронисты при описании крестовых походов в Палестину» (с. 50). Прямая задача хронистов, связанная с фиксацией событий и формированием мемориальной традиции, очевидна, о ней они обычно и заявляют, как это отметил автор, но даже если использование хроники в пропагандистских целях напрямую хронистом не провозглашалось (чаще всего так и бывало), хроники, этот важный элемент средневековой мнемотехники, не могли ей не служить. В этом качестве они позволяют характеризовать ментальное состояние общества в целом и воспринятые им понятия – частности. Думается, что наряду с воссозданием исторического контекста хроники в данной конкретной исследовательской плоскости важны в качестве своеобразного «тестера» по определению уровня эффективности усилий проповедников и пропагандистских кампаний, демонстрирующего

степень усвоения обществом пропагандируемых положений. Заявлять о том, средневековые хронисты, разумеется, не могли.

4. Несколько путанно освещен вопрос о количестве редакций трактата «О проповеди креста». Сначала автор называется две редакции (с. 56), пространную и краткую, а на 63-64 страницах пишет уже о четырех, причем можно догадаться, что речь идет о разновидностях или подгруппах двух выше названных редакций.

Вторая глава

1. Дискуссия о целях первого крестового похода (Иерусалим или земли восточных христиан в целом), к которой присоединяется автор, не учитывает одного, как представляется, важного момента, а именно, того, что для людей XI-XIII вв. Иерусалим представлял понятие не столько географическое, сколько метафизическое, даже мистическое — отсюда восприятие его как «матери» или «супруги Бога», видение «двух Иерусалимов» (парафраз «двух градов» Аврелия Августина). Отсюда и та легкость, с которой крестовые походы переориентировались на другие «объекты», и появление «иерусалимов» в Прибалтике, также ставшей, как известно, объектом крестоносной экспансии. Ввиду этого спор о том, хотел ли папа освободить лишь город Иерусалим или думал о всем христианском пространстве, оказавшемся в руках неверных, теряет свою принципиальность, поскольку одно предполагало другое, что и обусловило продемонстрированные автором расхождения в показаниях хронистов. Святая земля, как и Иерусалим, также понятие метафизическое, обозначавшее пространство, где верующий достигал, разумеется, по заслугам своим, мистического единения с Богом. Подобная трактовка объясняет многочисленные личностные моменты в восприятии Святой земли как места, отмеченного личным присутствием Бога и требовавшего от христианина личных весьма серьезных усилий. В этой связи представляется интересным упоминание о «повторном распятии» (с. 138-139), означающий не только унижение Бога неверными, но и то, что Бог вновь идет по пути страдания к великой цели искупления и призывает своих верных следовать ему (автор об этом пишет несколькими страницами позже). Думается, не было случайным, что средневековая христианская мистика сформировалась в эпоху крестовых походов.

2. Освобождение Малой Азии в документах, связанных с пропагандой крестовых походов, не акцентировано не только по причине отсутствия ее сакрализации, из-за чего оно воспринималось как сугубо политикодоговорная акция, но также в силу быстрого осуществления (первый крестовый поход) и пребывания в составе христианских владений вплоть до появления в XIV в. османов. По этой причине она просто не могла служить темой проповеди новых крестовых походов. Накануне первого крестового похода именно с Малой Азией, как представляется, были связаны пассажи о страданиях восточных христиан под властью турок в «Константинополе».

3. Реплика «Хроника не уточняет, где именно страдают христиане и святыни (видимо, как в Иерусалиме, так и в Константинополе)» (с.

95) нуждается в корректировке. Хронист использует название Константинополя для определения территории империи, занятой мусульманами. Поскольку город Константинополь сельджуками не был завоеван, употребление его названия в данном контексте (если это, разумеется, не цитата из хроники) следовало бы «закавычить».

4. Говоря о предпосылках усиления личного момента в характеристике Святой земли, имевшего местов конце XII в., автор ссылается на появление «новой религиозности», однако не слишком уверенно («Уверенно предполагать, почему оно произошло... довольно сложно. Впрочем, можно рискнуть связать это с фундаментальными изменениями в западном мировоззрении...» (с. 121) и в конечном итоге связывает эти изменения с захватом Иерусалима Саладином в 1187 г. (с. 124, 178). Кажется, однако, что приоритетным фактором тут следует все же считать великие подвижки в западноевропейской духовности XII-XIII вв.

Третья глава

1. По поводу реплики о том, что крестоносцы были настроены на борьбу «за расширение захваченного плацдарма на Ближнем Востоке» хочется заметить, что расширение захваченной в период первого крестового похода ближневосточной территории в планы христиан не входило, а их походы против граничивших с их владениями мусульманских княжеств совершались из тактико-оперативных соображений, а также (см., например, работы М.-Л. Февро о государствах крестоносцев) ради добычи, частичной разрешавшей проблему снабжения.

2. В данной главе очень основательно рассмотрена тема поддержки крестоносцев со стороны Бога, в то же время дьявол и его восприятие крестоносной пропагандой остаются в стороне – этому предмету посвящены лишь несколько разрозненных реплик. Между тем известно, что страх оказаться в путах дьявольских козней оказывал не меньшее влияние на формирование средневековых поведенческих парадигм, чем любовь к Всевышнему.

3. По поводу замечания, «что в глазах современников крестовых походов была своеобразная «градация» христиан, и византийцы были явно второстепенны по отношению к «народу Бога» в лице крестоносцев» (с. 195) и что существовала «разница статусов византийцев и крестоносцев», в результате чего последним была гарантировано «обладание божественной поддержкой против первых в случае возникновения конфликтов» (с. 197), рискну предположить, что в пассажах о распределении божьей благодати между разными народами, которые обнаруживаются в крестоносной пропаганде, в фокусе внимания находится не «национальность» и даже не конфессиональный фактор, а метафизическое представление о крестоносцах как «божьем» или «избранном» народе (в диссертации этому вопросу посвящен отдельный раздел). Византийцы, не принимавших активное участие в крестовых походах, оказались, таким образом, ниже крестоносцев «по статусу» наряду с христианами-католиками, которые не пошли в

крестовый поход и не стремились достичь мистического единения с Богом «на пути Господнем».

4. В связи с анализом концепта «божественной поддержки» автор замечает, что это «могло быть не более чем риторикой, не более чем элементом стиля, не несущим специфической идейной нагрузки», «исключительно риторикой и элементами стиля без серьезной смысловой нагрузки» (с. 199). По этому поводу хочется заметить, что риторические приемы не только имеют большое значение при реконструкции средневековых дискурсов, но даже способны подсказать исследователю способ перекодировать информацию источника – тут могу сослаться на собственные работы, посвященные использованию религиозной риторики в корреспонденции Ливонского ордена конца XV в.

5. На стр. 220 диссертант замечает, что «вопрос, касающийся средневекового культа святых, не являлся объектом специального внимания историков, что не соответствует действительности. Проблемы восприятия святости и святых в Средневековье неплохо представлены в современной историографии, см., например, работы А.Я. Гуревича.

6. Изучение т.н. «вассального аргумента» крестоносной пропаганды, возможно, следовало бы дополнить сопоставлением его духовного и светского дискурса.

Четвертая глава.

Влияние бытового прагматизма, которое стало заметным в определении сути индульгенции к началу XIII в., и разнообразные поблажки в ее обретении автор связывает с тяжелым положением Святой земли и потребностью в массовом притоке туда крестоносцев, хотя те же самые черты присутствуют в определении индульгенции участников крестовых походов против альбигойцев (см. каноны IV Латеранского собора), которые никак со святой землей не были связаны. Подобное совпадение требует объяснения.

Помимо замечаний проблемного характера отмечу некоторые стилистические и технические моменты.

Во-первых, определения и выражения, которые мне представляются неудачными:

«пропагандистские источники» («непропагандистские источники») – речь идет о пропагандистских *сочинениях* (произведениях), которые мы используем в качестве источников для изучения *пропаганды*;

«источники косвенного характера» (с. 28 и др.),

«военные святые» (с. 215, 216) вместо «святые воины», при этом то в кавычках, то без них (с. 216);

«попутные цели Бога» (с. 222 и др.).

Во-вторых, при написании квалификационных работ исследователю следует придерживаться академического стиля и избегать речевых модернизмов, подчас граничащих с вульгаризмами: «держа все предприятие под «личным контролем», Бог...» (с. 209, 222, 239), по принципу

«испорченного телефона» (с. 216), «Святая земля должна была быть занята, но лишь теми, кто соответствует определенным «системным требованиям»» (с. 224), «генеральной линии партии» (с. 239), Бог хотел «протестировать» их (с. 248), «участие в крестовом походе сможет “снять судимость”» (с. 312).

В-третьих, в тексте обнаружены стилистические погрешности: «отличаются между собой» (с. 93; правильно – «различаются между собой» или «отличаются друг от друга»); ««понизить» роль Иерусалима» (с. 101; правильнее в этом контексте сказать «принизить роль»); «в районе 1105 г.» (с. 110; у года нет районов, поэтому правильно «около 1105 г.»), «пестрят идеями» (с. 228; правильно «пестрят идеями»).

В-четвертых, следует также обратить внимание на отдельные технические погрешности:

- названия крестовых походов обычно дается с прописной буквы (Первый крестовый поход), но есть и со строчной (с. 113, 271);

- феодальное обязательство перед Богом (с. 16) и «феодальное обязательство» перед Богом (с. 22)

- «классическая» пространная редакция то с кавычками (с. 67), то без них (с. 69, 71);

- «святой град» (с. 124, 129) следует писать с прописной буквы;

- «физическая» небесная поддержка (с. 219, 256, 257) и физическая небесная поддержка (с. 206, 220, 221);

- имя французского исследователя пишется по-русски не С. Гугенайм (с. 257), а С. (Сильвен) Гугенхейм (см.: Дементьев И.О. Тевтонский орден во французской историографии);

- битва византийцев со Святославом 971 г. была при Доростоле, но не при Доростоне.

- см. также опечатки (притом - с. 28, К. Эрмдани – 215, поддержки – с. 242) и погрешности пунктуации (с. 95, 96, 171, 197, 220, 224, 241, 262, 265).

В-пятых, ввиду большого количества сносок в главах диссертации было бы уместно сделать их постраничными, поскольку их сплошная нумерация приводит к появлению многосоставных цифровых обозначений, которые очень затрудняют работу с текстом.

Тем не менее, все высказанные замечания не ставят под сомнение научную значимость и результативность проделанной работы.

Разделы диссертации В.Л. Портных могут обрести практическую значимость в процессе теоретических разработок в области изучения крестовых походов и средневекового мировоззрения, а также в качестве базы для разработки учебных программ исторического цикла для высших учебных заведений и для квалификационных работ студентов.

Основные выводы диссертации получили апробацию в многочисленных публикациях В.Л. Портных в отечественных и зарубежных изданиях, включая индексируемые в БД Scopus, Web of Science, а также входящих в перечень ВАК. Кроме того, они были представлены автором в докладах на многих Всероссийских и международных научных форумах.

В диссертации решена крупная научная проблема, содержание и форма исследования полностью соответствуют критериям, предъявляемым к научно-квалификационной работе, представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора наук, определяемым «Положением о порядке присуждения ученых степеней» Правительства Российской Федерации.

Автор безусловно заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (средние века).

Доктор исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Липецкого педагогического университета
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского



М. Б. Бессуднова

ЗАВЕРЯЮ

Начальник УКО

ФГБОУ ВО «ЛПТУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

«03» апреля 2017 г.